

Константин Леонтьев

**Несколько воспоминаний и
мыслей о покойном
Ап. Григорьеве. Письмо...**

Константин Николаевич Леонтьев Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве. Письмо к Ник. Ник. Страхову

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547685*

Аннотация

«...Ап. Григорьева Тургенев называл: «Огромный склад сведений и мыслей, без всякого регулятора». Раз он сказал при мне: – Я ужасно люблю тех, которые меня бранят; Ап. Григорьев только исключение; он меня бранит – и я его ненавижу... Боюсь, что в этом причудливом отзыве баловня судьбы и общественного вкуса крылось тайное сознание того, что из немногих порицателей его только один Григорьев был прав...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Константин Леонтьев
Несколько воспоминаний
и мыслей о покойном
Ап. Григорьеве
Письмо к Ник<олаю>
Ник<олаевичу> Страхову

М<илостивый> г<осударь!>

Незадолго до кончины Ап. Григорьева я познакомился с ним^[1]. Имя его я знавал и прежде – в первой моей молодости я читал его статьи в «Москвитянине» и сам тогда не знал, верить ли ему или нет? Слог его я находил смутным и странным; требования его казались мне слишком велики. По критической незрелости моей я тогда был поклонником «Записок охотника», и мне казалась возмутительной строгость, с которой Григорьев относился к первым произведе-

---

[1] Письмо к Николаю Николаевичу Страхову К. Н. Леонтьев прислал в июне 1869 г. из Царьграда за подписью *Н. Константинов* (псевдоним К. Н. Леонтьева). Оно содержало воспоминания о литературном критике почвеннического направления Аполлоне Александровиче Григорьеве, который скончался 25 сентября 1864 г. в возрасте 42 лет.

ниям Тургенева^{2}. (Григорьев отнесся иначе к более зрелым произведениям этого писателя и доказал этим свой критический такт.) Однако многое и из тогдашних его статей осталось у меня в памяти, и суждения не только о наших, но о А. де Мюссе и др<угих> иностранных писателях, я и тогда это чувствовал, были исполнены глубины, изящества^{3}. Я чувствовал это и тогда, но отчасти благодаря моей собственной незрелости, отчасти благодаря ширине духа самого Аполлона Григорьева, с *трудом вмещавшегося в слово*, я все-таки повторял: «Непонятно, чего хочет этот человек!»

Я не понимал, напр<имер>, тогда ясно, почему Григорьев, отдавая справедливость дарованию Писемского, столь сильно предпочитает ему Островского. И в том, и в другом я видел лишь комизм. Я не умел тогда понять, что Островский более *положительный* писатель, чем Писемский, что положительность его особенно дорога своим реализмом, ибо положительность его изображений была не в *идеале*, а в теплом отношении к русской действительности, в любви и поэзии, с которой он относился к нашему полумужицкому купеческому быту, несмотря на его суровые стороны и не скрывая их.

Апол<лон> Григорьев искал поэзии в самой русской жиз-

---

^{2} См.: Григорьев А. А. И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо». Письма к Г.Г.А.К.Б. // *Григорьев Аполлон*. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 285–384.

^{3} См.: Григорьев А. А. О правде и искренности в искусстве // *Григорьев Аполлон*. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 9–83.

ни, а не в идеале; его идеалом была богатая, широкая, горячая русская жизнь, если можно, развитая до крайних своих пределов и в добродетелях, и даже в страстной порочности.

Так я понимаю его теперь; быть может, я и ошибаюсь, Вам, как ближайшему его другу, предстоит исправить мои ошибки.

Ап. Григор<ьев> стоял особняком. Московские кружки – западников и славянофилов – одинаково отталкивали его.

Разгульная ли жизнь Григорьева, чувственность ли, дышавшая в мыслях его, не нравились строгим славянофилам, известным чистотою своей семейной и личной жизни, но Григорьев близок с ними не был.

Между Аксаковыми и Григорьевым была та же разница, какая есть между теми *вполне русскими* стихами Кольцова, где дышат нравственность и чистая вера, и теми тоже *вполне русскими* стихами Кольцова, где дышат разгул, тоска по разгулу и чувственность.

Со славянофилами я лично не был знаком; зато *изустные* отзывы передовых людей другого рода о Григорьеве были мне хоть урывками, но хорошо известны. Я бывал тогда нередко в одном доме^[4], где встречал Кудрявцева, Грановского, Боткина, Тургенева и др.

Тургенев был всегда блестящим светским человеком, капризно-остроумным в обществе вроде так хорошо изображенного им Горского («Где тонко, там и рвется»).

---

[4] В доме писательницы Евгении Тур.

Он любил небрежно и даже презрительно отзываться о своей собственной литературной деятельности; ценил высоко только Пушкина и Гоголя, а из современных ему авторов отдавал справедливость всем, не восхищаясь ни одним. Строгость его к другим выкупалась, как я сказал, строгостью его отзывов и о собственных произведениях (тогда еще не были им написаны ни «Рудин», ни «Дворянское гнездо»).

Ап. Григорьева он называл: «Огромный склад сведений и мыслей, без всякого регулятора». Раз он сказал при мне:

– Я ужасно люблю тех, которые меня бранят; Ап. Григорьев только исключение; он меня бранит – и я его ненавижу...

Боюсь, что в этом причудливом отзыве баловня судьбы и общественного вкуса крылось тайное сознание того, что из немногих порицателей его только один Григорьев был прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания